

И. П. Вороницын. „Из мрака каторги“. 1905—1917. Укр. госуд. издат. Харьков. 1922. Стр. 150.

При всем исключительном богатстве и разнообразии нашей «тюремной» литературы, только что появившиеся воспоминания известного с.-д. И. Вороницына, бывшего председателя Севастопольского совета рабочих, матросских и солдатских депутатов 1905 г.,—воспоминания, посвященные самым мрачным годам нашей реакции, имеют выдающееся литературное и историко-революционное значение и читаются—без всякого преувеличения—с поистине захватывающим интересом. Начинается книга с краткого описания севастопольского восстания (в ноябре 1905 г.), связанного с именем лейтенанта Шмита, и его усмирения. А затем идет тюремный мартиролог, продолжающийся свыше 11 лет,—от конца 1905 г. до самой февральской революции 1917 г.

Здесь и сравнительно «свободные» севастопольские тюрьмы 1906 г., попытки побега, ловкое похищение всего судебного дела, затянувшее процесс, и скитания осужденного на бессрочную каторгу по каторжным централам: Смоленская каторга, с ее «голым бунтом», Шлиссельбургская крепость, «возобновленная» при Столыпине в качестве новой каторжной тюрьмы; Вологодский централ (1909—1911), Ярославский каторжный ад, опять Шлиссельбург перед войной и в годы войны, наконец, бутырская тюремная больница, освобождение и посещение развалин сожженного Шлиссельбурга после февральской революции.

Все 10 лет каторги проходят в непрерывной борьбе пленных революционеров с тюремным начальством за свое человеческое достоинство, и в этом захватывающий интерес и глубокое воспитательное значение книги. Все переводы автора из одной тюрьмы в другую вызываются именно его непреклонностью и негибкостью в этой борьбе. В начале протестанты, не желающие подчиняться унижительным столыпинским порядкам, насчитываются сотнями. Но постепенно число это тает: одни гибнут в неравной борьбе, кончают с собой, массами умирают, другие не выдерживают, сдаются, покоряются. А автор воспоминаний—один из немногих, увидевших свободу, которые, несмотря на бесконечные месяцы карцера и других физических и моральных пыток, так до конца и не говорили тюремному начальству, как это требовалось: «здравия желаем, ваше высочордие».

Воспоминания написаны с благодарной скромностью и простотой, без всякой аффектации. Автор не только нигде не выдвигает себя на первый план, но явно старается как можно меньше говорить о себе лично. Но он не может скрыть, что во всех тюрьмах начальство именно его считало самым закоренелым и неисправимым протестантом и зачинщиком всех «волынок». Зато с тем большей яркостью проходят перед нами картины тюремной жизни, типы администрации и конвойных и бесконечная галерея арестантов, политических и уголовных, начиная от беззаветно преданных революции севастопольских матросов, кончая интересными анархистами и знаменитыми уголовными, в роде похитителя иконы казанской «божией матери» Чайкина. Автор затрагивает ряд больших

вопросов тюремной жизни: отношение к порке, половой вопрос и т. п.

В заключение от него впервые мы узнаем любопытные подробности о том, что творилось в Бутырках после освобождения главной массы политических (больница была первые дни забыта, и Вороницына освободили лишь по настоянию его сестер, живших в Москве).

Из воспоминаний И. П. Вороницына видно, что ему во времена Скоропадского пришлось побывать и в германских тюрьмах, и мы с нетерпением ждем его воспоминаний об этой эпохе.

Книга написана прекрасным, живым языком и издана очень прилично. Желаем ей от души самого широкого распространения.

Б. Горев.

Жан-Жорес. «Бонапарт». Петербург. Госуд. Изд-во. 1922 г.

Небольшой, но блестящий очерк Жореса о Бонапарте впервые появляется в печати. Он опубликован одним из сотрудников „Социалистической Истории“ Луи Нугер в седьмую годовщину со дня убийства Жореса. «Распространить по лицу земли слова Жореса, и тем почтить достойным образом его память и послужить делу справедливости» — такова цель издания очерка. К столетней годовщине смерти Наполеона, вдохновленный труд Жореса приобрел особенно актуальное значение, когда империалистическая Франция мечтает об эпохе великих замыслов «железа и крови».

Очерк о Бонапарте Жорес написал «не вставая с места». Однако, пред нами высеченая из мрамора историческая характеристика детища Французской революции, вооруженного мечем вождя французской буржуазии. Жан-Жорес — художник и историк, историк творец, смог в сжатом очерке дать нам образ Наполеона с его двойственной природой любящего сына и матероубийцы Революции. Что создало Наполеона? В чем смысл «18-го Брюмера»? Та же сила, что превратила конституционно-монархическую Францию во Францию 10-го августа, Францию Мирабо во Францию Робеспьера и Сен-Жюста: контр-революция! Бонапарт ушел потому, что он, как пишет Жорес, смог сказать стране: «я сражаюсь с контр-революцией!» Контр-революция своими вечными угрозами не только определила режим террора, но она ослабила Директорию, подорвала и извратила Конституцию III года. Партия „старого режима“ создала предлог для выступления генерала и «только страх перед возвратом и спящему строю побудил обманутую Францию довериться герою Брюмера, сумевшему притвориться покровителем и другом Революции». Так классически кратко и ясно Жорес характеризует связь жизни Наполеона с эпохой революции.

Но контр-революция не только породила бонапартизм, она сопровождала его и воспитывала его на всем его пути, во всех его видоизменениях. Наполеон выступал против од-